

ДОЛГОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ МЭРИ УОРТЛИ МОНТЕГЮ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению жизни М. Уортли Монтегю, представительнице английского Просвещения, которая в настоящее время известна как одна из основоположниц жанра «путевых заметок». В данном случае внимание сосредоточено на проблеме взаимоотношения личности и общества, в котором эта личность живет. Конкретно, речь идет о ситуации, когда социум старался удалить личность, пренебрегавшую нормами поведения, принятыми в определенном кругу. Среди английской аристократии эпохи Нового времени в качестве решения проблемы использовалось путешествие на континент, своего рода изгнание. Такая мера была осуществлена в отношении беспокойной леди Мэри.

Ключевые слова: Англия, Италия, Мэри Уортли Монтегю, путешествие, английское Просвещение, культура повседневности.

Об авторе: Наталия Станиславовна Креленко, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, E-mail: krelenkon@mail.ru

Практика путешествий «на континент» получила достаточно широкое распространение среди британцев XVIII в. Чаще всего такие поездки имели конечным пунктом назначения Италию. При рассмотрении того, кто и зачем отправлялся в Большое путешествие (Grand Tour) прежде всего на память приходит категория молодых людей, завершавших таким путешествием свое образование перед выходом в «большую жизнь». Однако были и другие причины, заставлявшие людей разного общественного положения, разного возраста отправляться в далекое и долгое странствие, которое далеко не всегда было легким и приятным. Ведь вплоть до второй половины XIX в., то есть до того времени, когда получили широкое распространение железные дороги и телеграф, путешествия были делом трудным и опасным, вне зависимости от материального положения путешественника. А еще следует

учитывать, что почти непрерывно шли военные действия, отголоски которых ощущались не только на суше, но и на море. Попасть в Италию морем (безопасным и комфортным путем) не всегда было возможно, а переход через Альпы многим представлялся ужасным, особенно в осенне-зимнюю непогоду. (Забегаая вперед, позволю отметить, что героине этого сюжета однажды пришлось очень уговаривать своих слуг рискнуть преодолеть альпийские перевалы, а молодой Х. Уолпол после своего «перехода через Альпы», зарекся повторять такое путешествие).

Известно об этом из письма нашей героини. Писала она, как и другие ее современники обо всем, много и очень выразительно. Культура письма в век Просвещения стояла на высоком уровне, обеспечив любознательных потомков обширным кругом эпистолярных источников. Такой источник позволяет воссоздать выразительные элементы истории повседневности, бытовой культуры, ментальности общества. Примером тому является переписка Мэри Уортли Монтегю, прожившей на закате жизни более двадцати лет в Италии.

Приступая к знакомству с этой дамой, интересно посмотреть, что о ней писали современники и непосредственные потомки (А. Поуп, С. Джонсон). Разное писали. Впечатляют строчки из пятой песни поэмы «Дон Жуана» Д. Байрона. Там, завершают описание достопримечательностей восточных берегов Средиземного моря, следующие строки [1, с. 396]:

*Софии купол, гордые снега /
Олимпиа, и военные фрегаты, /
И рощи кипарисов, и луга – /
Я эти страны пел уже когда-то: /
Они уже пленяли, не таю, /
Пленительную Мэри Монтегю.*

Лорд Джордж не слишком был щедр на лестные оценки. Что было общего между поэтом-романтиком, ставшего своего рода символом целой культурно-исторической эпохи, и

эксцентричной дамой, много читавшей и писавшей, и воспринимавшейся современниками как «комета», то есть нечто, нарушающее гармоничную картину миропорядка. Казалось бы, сближало их только то, что оба провели значительную часть жизни на чужбине, оба имели пристрастие к экзотической культуре в ее ближневосточном варианте.

Необходимо кратко охарактеризовать жизненный путь Мэри Уортли Монтегю (19.05.1689-21.08.1762). В девичестве она носила фамилию Пьерпонт (Пирпонт). Семейство отца было и знатным и очень богатым. Мэри была старшей в семье, мать потеряла, будучи 4 лет отроду. Можно сказать, формировалась как личность в стенах богатой отцовской библиотеки и была, если верить ей, предметом отцовской гордости. Вместе с младшим братом, которому приглашали учителей, изучала латынь, древнегреческий, французский. Ее духовная пища – античные классики и «прециозные» романы.

Как большинство девиц ее круга и возраста, она вела переписку со своими знакомыми барышнями. Современники отмечали точный и изящный слог юной Мэри. Одна из подруг, Анна Уортли Монтегю, чтобы быть на уровне, обращалась при сочинении писем за помощью к своему брату, Эдварду. После внезапной смерти Анны переписка продолжилась напрямую между Эдвардом и Мэри и завершилась в 1711 г. тайным браком. В письмах она старалась произвести на него впечатление эрудированной и здравомыслящей девушки, чутко уловив, какие требования молодой человек предъявляет к своей избраннице. Первое качество ей было присуще, а вот второго, здравомыслия, как показало дальнейшее, ей явно не хватало. Этот решительный поступок обозначил характер двадцатилетней девушки и ее подход к решению жизненных проблем. Отношения с отцом были испорчены и восстановлены более чем через десять лет.

Первые два года семейной жизни прошли для новобрачной в сельской тиши. Там она имела возможность подумать о том, что, может быть, прав был ее батюшка,

противившийся ее решению выйти замуж за Эдварда Уортли Монтегю, еще при обсуждении брачного контракта продемонстрировавшего расчетливость и скаредность натуры. В 1715 г. сэр Эдвард стал членом парламента, и семья переехала в Лондон, где Мэри начала приобретать известность в обществе. Она была молода, хороша собой, остроумна, начитана, но переболев оспой, утратила нежную кожу и длинные ресницы.

К счастью в 1716 г. сэр Эдвард был назначен послом в Стамбул (для Мэри - Константинополь). Эта поездка дала молодой женщине массу впечатлений, которые она зафиксировала в письмах. Ее корреспондентами были родственники (сестра, графиня Мар), известные литераторы (Д. Аддисон, А. Поуп).

Бросается в глаза, казалось бы, парадоксальное утверждение, присутствующие в этих письмах, это мнение, что укутанные чадрой восточные затворницы чувствуют себя свободнее, чем их английские товарки. Может быть, возможности чадры леди Мэри рассматривала сквозь призму собственных проблем, возникших после оспы? По мнению леди Мэри, восточный женский костюм, придающий анонимность фигуре и скрывающий лицо, позволяет турчанкам вести довольно бесконтрольную жизнь, конечно, если у них есть служанки, которым можно доверять. Укутанные в бесформенные одеяния дамы могут встречаться с мужчинами на нейтральной территории «в еврейских магазинах, которые подобны нашим индийским домам» [9? р.261], заводить любовные интриги, оставаясь неузнанными своими избранниками, что избавляет их от угрозы возможной нескромности поклонников.

В письмах она затрагивала самые разные вопросы: рассуждала об управлении страной, о нравах и времяпрепровождении, о посещении гарема султана, о положении женщин, о языке цветов, об одежде. Так, рассказывая в письме сестре о посещении вдовы султана Мустафы, леди Мэри восторженно описала роскошный костюм,

а особенно великолепную диадемы хозяйки, сервировку стола и обед, включавший 50 перемен блюд. Завершался рассказ она словами о том, что доподлинное описание увиденного, а не пересказ сказочных историй 1001 ночи [9, р.262]

Вскоре после ее смерти письма были опубликованы (1763 г.) под названием «Путешествие по Европе, Малой Азии и Северной Африке». А потом уже как «Письма из турецкого посольства» неоднократно переиздавались. Эта книга считается одним из ранних образцов жанра «путевых заметок». Поездка сыграла большую роль в жизни молодой женщины. Свои восточные впечатления она на протяжении всей жизни обыгрывала в своем внешнем облике: известно несколько ее портретов, на которых она изображена в одежде, стилизованной под «восточную». А, кроме того, восточная тема позволила ей неоднократно заявить о себе. Она познакомила лондонцев с «языком цветов», пропагандировала оспопрививание (вариоляцию).

По возвращении в 1719 г. в Лондон отношения супругов Моонтегю строились по обычной для аристократической среды схеме: сэр Эдвард сосредоточился на политических делах. Для леди Мэри последующее двадцатилетие стало временем очень насыщенным. Она принимала активное участие в литературной и театральной жизни Лондона, сама писала стихи («Городские эклоги», «Придворные поэмы» были изданы в 1716 г.), пьесы («Простодушие» около 1735 г.), эссе о морали, о положении женщин. Она покровительствовала молодым литературным дарованиям, среди которых самой яркой фигурой был ее племянник по материнской линии Генри Филдинг. В частности, она способствовала постановке на сцене одной из ранних комедий Г. Филдинга.

В ее поведении просматривается стремление быть на виду, выделиться. При этом очень трудно балансировать между допустимым и неприемлемым с точки зрения общества. Так, в начале 20-х годов произошла достаточно смутная история, в которой фигурировали письма между леди Мэри и французским поэтом Туссен Ремон де Сен Мар, с которым она переписывалась,

будучи в Турции, встретила в Париже по пути из Константинополя. Приехав в Лондон он попросил ее помочь вложить деньги в акции компании Южных морей, крупнейшей финансовой пирамиды того времени, которая вскоре лопнула, разорив тысячи людей, и французского приятеля леди Мэри в том числе. Галантный кавалер обвинил даму сердца во всем и угрожал познакомить супруга с содержанием писем, которые леди Мэри писала ему. Скандал не всплыл, потому что сэр Эдвард проявил здравомыслие, но осадок в виде писем остался. Леди Мэри получила первый сигнал того, как важно быть благоразумной и осторожной.

Спустя двадцать лет всезнающий любитель редкостей всякого рода Х. Уолпол писал своему приятелю, что ему показали десять писем леди Монтегю и ее французского любовника. По его мнению, «большинство из них остроумны и выдержаны в прекрасном стиле... очень примечательно, насколько женщины пишут лучше, чем мужчины». [9, p.301].

Самым заметным, бурным и длительным конфликтом, который связан с именем леди Монтегю, было ее ссора с поэтом А. Поупом. Сначала они очень дружили, это была преимущественно «дружба по переписке». В период пребывания М. Монтегю в Стамбуле переписка была особенно активна, поэт и супруга посла состязались в остроумии, и были, кажется, совершенно довольны друг другом, а главное, каждый собой. В этой связи стоит привести одно высказывание о роли писем в межличностном общении того времени: «Письма, которые писались друзьям – а тогда все писали письма – не более как зеркала. В них человек придавал себе такую позу, в которой ему хотелось быть увиденным другими. Тогдашние письма не просто уведомления как наши современные. Они зафиксированные туалетные фокусы ума» [6, с. 64].

Ситуация изменилась, когда супруги Уортли приобрели загородный дом по соседству от Твикенхема А. Поупа. При живом общении словесная игра выглядела иначе, вместо наложенной на бумагу проекции образа адресата занял

многомерный реально существующий человек, общающийся с теми, кто другому участнику «дуэта» может быть неприятен. Нельзя забывать, что Монтегю были убежденными вигами, и леди Мэри придерживалась той же позиции еще со времен девичества, а Поуп симпатизировал тори.

Когда реальные личности предстали, так сказать, «во плоти» со всем своеобразием физического облика, привычек, настроений и заменили идеальные образы, отраженные в письмах, исчезла большая часть очарования придуманных отношений. Каждый из участников этого дуэта обладал сильным характером, бойким языком и изрядной долей ироничного восприятия окружающего. Надо полагать, что как истинный представитель рационализма [2, с.19] Поуп чувствовал себя не только почтительным рыцарем благородной леди, но, отчасти, ее наставником. Объекту почитания полагалось демонстрировать восторженное отношение к мудрости почитателя, а не оказывать свои коготки, ставя под сомнение, например, безупречность вкуса поэта, который как был спланирован и оформлен его парком.

Согласно семейной легенде, озвученной дочерью М. Монтегю, разрыв добрых отношений произошел при следующих обстоятельствах. Поэт однажды выразил свои пылкие чувства. Если такое объяснение действительно имело место (а доказательств этому не существует), это было одно из проявлений галантной игры. Партнерше в такой ситуации следовало отреагировать согласно поведенческим нормам эпохи рококо: изобразить смущение, сочувственный упрек. А леди Мэри, будто бы, начала неудержимо смеяться. Этот искренний, но обидный для внешне очень неказистого, болезненного поэта, смех убил все добрые чувства, дружба-флирт превратилась в яростную ненависть.

Этот «семейный» вариант объяснения конфликта стал темой полотна художника У. Фрича, на котором изображены пышущая здоровьем, заливающаяся смехом красавица (на самом деле к этому времени леди Мэри, уже переболевшая

оспой не могла иметь такую сияющую свежесть кожи) и скрючившийся в кресле горбатый поэт, отвернувшийся от своей обидчицы.

Поуп настаивал на другом объяснении, согласно которому леди Мэри предлагала ему написать сатирические стихи по адресу некоторых людей неприятных ей. Трудно проверить достоверность той или другой версии. Скорее всего, конфликтная ситуация складывалась постепенно, но с 1723 г. и до смерти Поупа в 1744 г. между ними периодически возобновлялась поэтическая дуэль. Учитывая разные «весовые категории» дуэлянтов (с одной стороны признанный глава английской поэзии, с другой дама, занимающаяся стихосложением) результат дуэли был очевидным. Быть одним из персонажей, пусть не названным напрямую, сатирической поэмы А. Поупа «Дунсиада» (по-русски это означает «Тупициада») вряд ли было приятно.

Были проблемы с детьми. Как в свое время сама Мэри ее дочь (тоже Мэри) вышла замуж вопреки воле родителей (1736 г.). Только спустя годы, когда стало очевидно, что младшая Мэри не просчиталась в своем выборе, а старшая Мэри оказалась оторванной от дома, между ними наладились отношения в форме переписки. Что касается сына Эдварда, проблемы с ним были гораздо серьезнее. После нескольких побегов из школы (первый он совершил в возрасте около 5 лет), отец отправил его в Голландию, где он должен был завершать образование и откуда он периодически тревожил родителей своими прожектками.

Престиж Мэри Уортли Монтегю в том кругу, где она вращалась был не слишком высок, отношение к ней окружающих носило оттенок неодобрения, что и нашло отражение в письмах. Так, леди Ирвинг в письме отцу (1730 г.) заявляла, что исповедуемые леди Уортли «принципы порочны, как и ее легковесное остроумие», а добрая приятельница леди Страффорд писала мужу (1734 г.): «леди М. Уортли приходила сегодня утром, одета была в сак и все свои драгоценности... я с

трудом дождалась пока она уйдет». (Цит. по [9, р.357]). Стоит пояснить: сак – просторное платье, рассчитанное «на каждый день». Тот факт, что леди Мэри украсила будничное платье множеством драгоценностей, отмечается автором письма как проявление неподобающего поведения.

К концу 30-х гг. было очевидно, что «Большое вояж» леди Мэри становится выходом из положения. Ведь уединяться в загородном доме она не собиралась. Формальным поводом было состояние здоровья, и это было правдой, с возрастом сказывались последствия перенесенной оспы. Одинокое путешествие имело формально приемлемое объяснение: назревал очередной военный конфликт, сэр Эдвард был загружен делами и, согласно озвученной в письмах знакомой версии, должен присоединиться к супруге спустя пару месяцев.

Официальная версия заграничного вояжа камуфлировала одно важное обстоятельство личного характера: в 1736 г. в Лондоне появился молодой итальянец Франческо Альгаротти (1712-1764), философ, поэт, эссеист, тайный агент и просто авантюрист. Сын венецианского торговца, учился в Болонском университете. Известны его переводы «Оптики» Ньютона, «Эссе об опере», «Письма о России» (ему приписывается фраза, что Петербург – это окно в Европу). Знаток искусства, англофил и, по случаю тайный агент, он дружил с Вольтером, Кантемиром, одно время был доверенным лицом Фридриха II, словом типичная фигура «века интриги».

И Мэри Монтегю влюбилась в него. Сложился интеллектуально-любовный треугольник история, в котором леди Мэри выступала соперницей парламентария лорда Д. Харви. Уезжая в Италию, она надеялась встретиться с Альгаротти в Венеции, но он в это время знакомился с «Северной Венецией» - Санкт Петербургом.

Очевидно, будучи в состоянии некоторой душевной растерянности леди Мэри писала приятельнице леди Поумфрит осенью 1739 г. из Венеции: «Я удивлена причудами моей судьбы. Дела мои весьма неопределенны, ни за что в будущем я

не могу ручаться...» (Цит. по [9, р.366]), не забывая добавить, что муж должен скоро к ней присоединиться. В другом письме она язвительно отзывалась о лондонском обществе, сетуя на то, что там за недостатком развлечений, люди озлобляются и погружаются в атмосферу сплетен: «Я благословляю судьбу за то, что она привела меня туда, где люди способны говорить о чем-то кроме дел их ближних» (Цит. по [9, р.3673]). За этой нарочито бодрой оценкой ситуации просматривается некое стремление «сохранить лицо».

Приехавшая в Италию леди Поумфрит, аказавшаяся в Лондоне «не у дел» после смерти королевы Каролины, фрейлиной которой она была, стала на некоторое время постоянной спутницей Мэри Монтегю. В октябре 1740 г. появление этих двух дам во Флоренции охарактеризовал в письме к своему школьному другу Уэсту Х. Уолпол. Прежде всего, стоит отметить, что он назвал их «кометами» [9, р.389], вкладывая в это определение негативный оттенок. Ведь что такое комета в мире звезд? Беспокойная нарушительница гармонии мироздания. Кстати, в названии одной из монографий о М. Монтегю, вышедшей в начале нынешнего века, присутствует определение «комета Просвещения» [8].

Описание внешности М. Монтегю Х. Уолпол в письме одному из друзей представил довольно выразительное. Он написал, что в глаза бросается небрежно одетый чепец, из-под которого выбиваются волосы, не знающие ни расчески, ни завивки. Совсем иначе он оценил ее записки, отмечая занимательность и меткие характеристики.

Следующие два года М. Монтегю кружила по Италии. Из Венеции она перебралась во Флоренцию, оттуда в Рим, потом в Неаполь, чтобы посетить по совету мужа раскопки древних городов. Наконец, весной 1741 г. в Турине состоялась встреча с Альгаротти, куда тот приехал в качестве доверенного лица короля Фридриха II. После неудачного выполнения своей миссии, итальянец вернулся в Пруссию, а леди Мэри продолжила свои странствия. Со временем лирические

отношения между ними переросли в дружбу, основанную на близости интеллектуальных интересов, и эта «дружба по переписке» продолжалась долго. Мэри побывала в Генуе, городе, запомнившемся ей с того времени, когда она возвращалась с мужем из Константинополя.

Время пребывания в каждом из указанных мест занимало два-три месяца, иногда дольше. Отовсюду слала сестре и мужу краткие, но выразительные очерки своих впечатлений об увиденных достопримечательностях. Огромное место в письмах к мужу занимают категоричные и едкие оценки внутриполитических дел в Англии. Из Турина мужу в апреле 1741 г.: «Английские политики – посмешище всех наций» [10, р. 198].

Летом 1742 г. М. Монтегю перебралась на юг Франции, где несколько лет жила в тихом старинном Авиньоне. Памятники древнего города на некоторое время поглотили внимание просвещенной дамы. Кроме того, на авиньонский период пришлось встреча с повесой-сыном, впечатления от которой она подробно изложила в письмах мужу. Молодой Уортли тогда намеревался поступать на военную службу. Леди Мэри отметила, что Эдвард-младший выглядит лет на семь старше своего возраста, а также, что он блестящий лингвист и невообразимый лжец.

Эдвард Уортли Монтегю младший (1713-1776) характеризуется в справочной литературе как писатель и путешественник, но эти определения ничего не объясняют. Вот схематичный набросок его жизни. Регулярные побеги из школы в детстве, обучение в Лейденском университете языкам, женитьба на «неподходящей» женщине (значительно старше его и из «простых»), намерение служить в какой-то армии (в какой?), пребывание в Англии, где отец определил его в парламент, членство в Лондонском королевском обществе, какие-то околонуточные прожекты, связанные с Востоком. В Лондоне он появлялся в турецком наряде. Мать писала о нем «день монах, три дня турок». Оба родителя, и респектабельный

отец, и эксцентричная матушка фактически отrekliсь от него. Особенно демонстративна была леди Мэри, отписав ему 1 гинею в наследство. До самой смерти Эдвард продолжал вести себя непредсказуемо, перемещаясь из Италии в Париж, в Иерусалим, в Лондон, в Армению, в Каир. В Египте он прижился, перенял местные обычаи, обзавелся многочисленным потомством.

Ниточки, связывавшие леди Мэри с английским домом, постепенно слабели (так, ее английские слуги, супружеская пара, сопровождавшая ее в странствиях, решила вернуться на родину), но она упрямо старалась быть в курсе английских новостей. Это особенно заметно в письмах к мужу. Так она сообщает ему: «Мне сообщили о смерти лорда Орфорда из надежных рук» [10, р.200]. Вместе с тем она с очевидным огорчением признавалась в письме мужу: «Я так мало знаю об английских делах, очень удивилась, узнав, что лорд Гренвилл потерял власть» [10, р.216].

Интересно, что сэр Эдвард не поставил супругу в известность, что в 1745 г. два месяца провел на континенте, сравнительно не далеко от тех мест, где она жила, хотя переписка между ними не прерывалась. Возможно, общение в письменном виде казалось ему наиболее приемлемой формой.

В 1745 г с возобновлением военных действий между Францией и Великобританией, М. Монтегю сочла необходимым покинуть Авиньон. Вновь начались странствия. Периодически она посещала Венецию и Геную, Рима избегала, там сосредоточились якобиты, а она, будучи убежденной противницей Стюартов, не желала пересекаться с ними. «В конечном счете, она осела в Ломбардии, откуда вела письменную переписку с дочерью и неизменно просила присылать ей побольше романов, без которых не мыслила прожить и дня» [4, с. 13].

Со временем наладилась переписка между леди Мэри и ее дочерью. Кроме чисто женских обсуждений семейных дел и проблем здоровья и воспитания детей Мэри-младшей,

постоянной темой было описание великолепия тех садов, которые прилегали к арендуемым ею виллам на севере Италии, где она проживала. А еще младшая Мэри слала матери литературные новинки (С. Ричардсона, Г. Филдинга), а та давала свои комментарии, часто очень язвительные, по поводу прочитанного.

Следует уделить немного внимания характеристике дочери нашей героини, Мэри Стюарт, графине Бьют (1718–1794). Она вышла замуж также своевольно, как и ее матушка, но в дальнейшем стала образцово респектабельной дамой, имеющей, по словам одной современницы, «добрые чувства, добрые принципы». Супруг ее Джон Стюарт Бьют, шотландец, тори по своим политическим взглядам, принадлежал к близкому окружению короля Георга III. В 1760-1763 гг. был премьер-министром. На портрете, принадлежащем кисти Д. Рейнолдса, который был написан в конце 70-х гг. XVIII в. Мэри Бьют изображена прогуливающейся в парке. В руках ее сложенный зонтик, у ног резвится маленькая собачка. Весь облик дамы исполнен достоинства и уверенности в себе. Она спокойно, без улыбки смотрит на зрителя, проходя мимо.

В 1761 г. умер Эвард Монтегю-старший, дочь предложила леди Мэри вернуться домой. Странница была благосклонно принята при дворе нового короля Георга III. Умерла М. Уортли Монтегю 21 августа 1762 г. ее дочь, графиня Бьют уничтожила дневники и значительную часть переписки матери.

В итоге можно вернуться к вопросу о том, почему так комплементарно отзывался лорд Байрона о леди Монтегю. Оба они были из породы «аристократических бунтарей» [3, с.753], не довольных своим положением в социуме, не желающих примириться со своей ролью, не способных изменить ситуацию в свою пользу на отведенной им обстоятельствами месте. Судьба обоих показывает, как «заграничное путешествие» использовалось в случае возникновения трений между личностью и обществом. Для одних, нарушивших закон, предполагался жесткий вариант: ссылка в колонии или

переселение туда ради выживания, для других, пренебрегавшими нормами поведения, принятыми в определенном кругу предлагалось «путешествие» на континент, своего рода изгнание, но, можно сказать, комфортное. Такая мера была осуществлена в отношении беспокойной леди Мэри Монтегю.

Литература

1. *Байрон Д.Г.* 1972. Дон Жуан / Байрон Д.Г. Паломничество Чайльд-Гарольда. Дон Жуан. М.
2. *Кириюшкина В.В.* 2012. О поле понятия reason в эстетической мысли XVIII века (на материале сочинений А. Поупа) // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. Вып. 3 Т. 12. С. 19 – 22.
3. *Рассел Б.* 2010. История западной философии. М.
4. *Роджерс П.* 1984. Генри Филдинг. Биография. М.
5. *Сидорченко Л.* 2008. Мужские и женские адресаты писем Мэри Монтегю // XVIII век: мужское / женское в культуре эпохи. М. С. 264-277.
6. *Фукс Э.* 1994. История нравов. Галантный век. М.
7. *Шестаков В.* Grand Tour – путешествие в Ренессанс // Собрание. № 2, 2008, июнь.
8. *Grandy I.* 2001. Lady M.W. Montagu: Comet of the Enlightenment. Oxford Univ. Press.
9. *Paston G.* 1907. Lady Mary Wortley Montagu and her times. L.
10. The letters of Lady Mary Wortley Montagu. 1884 / ed. by mrs. Hale, Boston.